

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №№ 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 19, 21, 22, 24.

«Запоздалое прозрение» – так озаглавлена глава 12 книги академика Рафаэля Гусейнова. В качестве эпиграфа к ней приведено следующее двустишие:

...Будто солнце, любимая прячет
свой лик,
Будто туча исходит слезами аши:

Принадлежать эти строки перу Зульфигара Ширвани. Далеко не каждый слышал это имя, не говоря уже о его творчестве.

Как и предыдущие, 12-я глава этой книги тоже начинается с очень интересных размышлений, побуждая читателя дочитать первую, 355-ю её страницу до конца и непременно дойти до истины, которая заключена на 25 страницах этой главы.

«Приснился поэту сладкий, радужный сон. Не просто приятный, но и несущий в себе подспудный заряд. И поэт запечатлел своё видение в стихах, надеясь на то, что его поэтическое назначение каким-то образом расшевелит апатичную публику, погрузившуюся в благостную дрему, раскрывает им глаза... Поэтом, обнародовавшим этот сон, был Мирза Алекпер Сабир. Снилось ему многолюдное торжество в немыслимо похорошевшей, праздничной Шамахе, и он вопрошает у людей, по какому поводу они собрались, кого чествуют. Оказывается – это юбилей. Сновидец интересуется: чей же юбилей – Хагани ли, Зульфигара Ширвани ли, Гасан бека Зардаби или Сеид Азими Ширвани? Его ждёт разочарование:

Шикнули: Цыц!
Да какой Зульфигар?!
Кто там твой Хагани-юбиляр?
Гасанбек, говоришь? Зардаби?
Каково!
Да народ уж давно точит зуб на него!
Сеид Азими чить, парень брось!
Был такой рифмоплёт, околесицу
нёс...
Ни за что никакой грамотей записной
Удостоится чести не может такой!

Сабир опубликовал это стихотворение 9 марта 1911 года в «Молле Насреддине» за подписью «Гёзуюхулу» (приблизительный смысл – «Полусонный»).

И скорее всего, первые две строки этого стихотворения, привели автора книги к печальному выводу о том, что «мы, всё ещё окончательно не сбросив с себя дрему беспамятства, не воздали должное памяти Зульфигара Ширвани заслуженным им юбилейным чествованием». И Рафаэль муаллим решил восполнить это досадное упущение, посвятив его жизни и деятельности главу, которую так и назвал: «Запоздалое прозрение».

Далее, на странице 358 мы читаем о том, что «семь столетий назад жил и творил отмеченный знаком музы большой поэт. Большой, но, увы, полузабытый. Не потому, что исчезли, канули в сумрак далёких веков. Нет, отнюдь. Его стихи дошли до наших дней. Но одно дело, пережить столетия только лишь на пожелтевших, пожелбевших страницах манускриптов, другое дело, когда они передаются также из уст в уста, от поколения к поколению, от сердца к сердцу, обходясь без аккуратно бережённых, но не читаемых – перечитанных старинных сборников...»

Говоря о том, что до наших дней дошло его наследие – десять тысяч бейтов, о которых до 1934 года мы не ведали, автор сообщает о том, что в том году «далеко от родного города поэта Шамахи, от Тебриза, где он был похоронен, в туманном Альбионе, английский исследователь Эдвард Эдвардс, благодаря чистой случайности обнаружил «Диван» Зульфигара и создал факсимильный текст... «Этот «Диван», достаточно достоверный, представляющий собой список, выполненный спустя 40-50 лет после смерти поэта, возможно, с его собственноручного автографа, увы, до сих пор не стал объектом пристального

изучения и не был переведён с фарси. Я озвучил на родном языке ряд образцов. Приведу здесь в русском переводе два фрагмента.

Очарован давно я твоей красотой,
Но отрада обходит меня стороной.
Обрекли мою душу чары очей
На мучительный бой с душой самой.

Нэй поведаёт притчу любви роковой,
Как разбитое сердце исходит
тоской,
Как печаль извела, истерзала
до слёз, –
Всякий раз повторяется сказ
день-деньской.

Листая страницу за страницей, – пишет далее Р.Гусейнов, – убеждаюсь в правоте текиристов, называвших его «ювелиром слова». Как податливо слово под его пером, как он умеет придавать слову новые нюансы, переливы, оттенки. И как послушно, покорно поэту – он волен повернуть слово угодной, желаемой ему гранью...

Зульфигар Ширвани был одним из последних великих мастеров нашей персоязычной поэзии, звездой первой величины... Но наш современный читатель не знает назубок его стихов...»

То ли сетует Рафаэль муаллим, то ли ставит это нам в укор это незнание, продолжая знакомить читателя с поэтом, который по признанию самих же персиян, фарсов, предпочитавших Фирдовси, Хайяма, Саади, Хафиза, Джами, не уступал самым именитым мастерам слова Ирана.

На странице 360-й мы узнаём о том, что «Зульфигар прожил изрядно протяжённую жизнь, больше ласк и щедрот ощутив суровые испытания и превратности судьбы.

Старинные источники сообщают доподлинное имя и нисбу поэта – Сеид Гивамеддин Гусейн ибн Садраддин Али Ширвани. «Зульфигар его псевдоним, исконное значение которого – «расекающий волосы. Так называли меч имамы Али, соратника пророка Мухаммеда. Именно под этим псевдонимом он больше писал касыды, посвящённые власти имущим, правителям, венценосцам. И за эти дифирамбы поэта довольно щедро благодарили.

На странице 362 читаем: «Довлетшах Самарканди сообщает: «Ширванский визирь Садр Сеид одарил Зульфигара за одну его касыду семью харварами шёлка».

«Харвар» – мера веса в пятьсот «батманов», а «батман» составляет восемь килограммов. Представьте себе, насколько расщедрился ширванский государственный муж, насколько был тронут и польщён касыдой поэта, что вознаградил его баснословным даром, весом в 2 800 килограммов...

В его «Диване» дошло до нас и стихотворение, содержащее автобиографические сведения. Сопоставление их с данными в «Тезкирет уш-шуара» Довлетшаха Самарканди, «Хафт иглим» Амина Ахмеда Рази, «Тезкире-йе атешкеде» Лютафали бека Азера, «Маджма уль-фусаха» Рзагулухана Идаята, «Гамус уль-алам» Шамсаддина Сами, «Данеш-мадан-е Азербайджан» Мухаммедали Тарбията конкретизирует многие мало известные моменты жизни поэта.

На странице 364 выясняется, что «родился Зульфигар Ширвани, приблизительно в 1190 году. Происходил из ширванского именитого рода. Дед по матери был владетелем поместий в Хорсрове и Сарире. Получив совершенное образование, Зульфигар основательно овладел ведущими науками своего времени. В этом ряду логика, фикх (юриспруденция), астрономия и астрометрия, тафсир (толкование Корана), лугат (лексикология), морфология и синтаксис, риторика, ахадис (жизнеописание Пророка и его соратников), просодия «аруз», извлечение корня (раздел математики), музыковедение, композиция.

В упомянутом выше стихотворении поэт перечисляет постигнутые им дисциплины и с искренней гордостью заяв-

ляет: «Всё это я знаю столь хорошо, что я един в учёности, и Аллах не сотворил равных мне в обоих мирах... Могу писать стихами и прозой на шести языках».

Он также мог удивить певцов своим пением, исполнением мугамов «Нава», «Писров», «Гавал» на тексты своих газелей. Играть в нарды поэт не был горазд, а вот в шахматах – занятии достойном правителей, аристократов, благородных людей – был искусён.

Объяснял он это тем, что в шахматах побеждает разум, а в нардах игроку могут подфартить карты.

На странице 366 поэт говорит о том, что ему нет равных в стрельбе из лука и в верховой езде, а также в умении вести поучительные беседы. Также он непревзойдён, по его словам, в каллиграфии и скорописи.

Искусность в скорописи он для наглядности иллюстрирует примером, что может переписать поэму Фирдовси «Шахнаме» (60 тысяч бейтов) за один месяц. Гордится Зульфигар Ширвани и тем, что его поэзия – «средоточие наук», иначе говоря, «энциклопедия».

Далее мы узнаём о том, что Зульфигар Ширвани был приверженцем касыды, занимая место «непревзойдённого мастера этого жанра не только в Азербайджане, но и в истории поэзии литературы Ближнего и Среднего Востока».

Оказывается, «в XI-XII веках развитие этого жанра дифференцировалось на три направления: мадхия (панегирик), философская касыда, и ещё касыда-маснуи. У Зульфигара Ширвани есть все три её разновидности. Последний вид – «маснуи» – трактуется как «искусственная касыда». «Но, думається, это не точный перевод понятия, более верным является определение «виртуозная» или «изощрённая», – считает автор книги.

Очень подробно он сообщает о том, что до Зульфигара касыда прошла долгий путь, успев обрести изысками, хитросплетениями, загадками.

«В касыде-йе маснуи, включённой в его «Диван» и известной в истории литературы под названием «Мафатих аль-калам фи мадах аль-кирам» – «Ключи слов и восхвалением милосердного» Зульфигар использовал весь арсенал известных поэтических фигур и осуществил новшество: в текст, написанный черными, он ввёл слова, выделенные красными чернилами, и это было неспроста», – сообщает автор на странице 371.

«Блестящий талант привёл его во

дворец ширваншахов, где он из свободного чистого, прекраснородного Гусейна превратился в верноподданного служителя династии Атабеков – поэта Зульфигара. До него в этом дворце побывали и Хагани, и Фелеки. Хотя некоторое время они были обласканы милостями и щедротами, но однажды впали в немилость и навлекли гнев, отбросивший их в крошечный ад заточения. Зульфигар знал об этих историях, но не намотал на ус, продолжая тешить венценосца и свиту стихами, а вокруг шли глазные шушуканья, пересуды, строились козни... И вот во дворце подли холодные ветры, начали выживать его, обрекли на скитания. Судьба привела его в роскошные дворцовые покои хорезмшаха Султана Мухаммеда. Находясь в Хорасане, он запечатлел багдадский визит нового покровителя в панегирической поэме-«месневи» под названием «Шахиншахнаме».

Хадже Мухаммед Мастари, бывший визирь ширванского правителя, донёс эту оду атабеку сына Хулаку хана Абаги хана в Хузистан – Юсиф шаху Лори. Последовало новое приглашение, и Зульфигар влезал за новые хвалебные касыды-«месневи», тиражируя свой недолгий талант».

На странице 376 сообщается о том, что на смену одним ханам приходят другие и Зульфигар не обделяет их поэтическими симпатиями, а новые правители берут его под своё крыло. Здесь же мы узнаём о том, что на протяжении всей своей долгой жизни он побывал в разных краях Ближнего и Среднего Востока.

В 1304 году он находится в Тебризе. Здесь суждено ему обрести вечный покой. Зульфигар, оглядываясь на пройденный путь, на прожитую жизнь. Теперь, когда долгие годы унесли с собой его резвую похотку, убавили свет его очей, остроту его памяти, и его мучает горечь невысказанных слов, похороненных мечтаний, давит на плечи гора уже ненужных дифирамбов и боль отчаяния одинокого, оставшегося без опоры человека, корящего, казнящего себя, исторгается стоном: «Я не поэт!»

«Но нет, уstad! Ты не прав Зульфигар Ширвани! Ты был поэтом, причём незаурядным, большим мастером!... Такие великие исповеди подпадают великим поэтам...». Так завершает эту главу академик Р.Гусейнов.

Подготовила

Медина ГАСАНОВА.